
ДОВЕРИЕ, ВСЕОБЩЕЕ БЛАГОСОСТОЯНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТЮРЕМНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Tapio Lappi-Seppälä

В статье анализируются различия в степени репрессивности уголовной политики в индустриальных странах: англосаксонских, где в последние десятилетия произошел беспрецедентный рост численности заключенных, и скандинавских, западноевропейских и восточноевропейских. В рамках синхронического анализа и анализа трендов рассматриваются социальные, политические и экономические факторы, связанные с преступностью. Результаты исследований позволяют утверждать, что различия в доле заключенных в составе населения не могут объясняться различиями в уровне преступности. Суровость уголовной политики тесно связана с общественными настроениями, степенью обеспечения всеобщего благосостояния, различиями в распределении доходов и политической культуре.

Ключевые слова: уголовная политика, доля заключенных в составе населения, государство благосостояния, доверие, легитимность, политическая культура, политэкономия

TRUST, WELFARE AND POLITICAL ECONOMY: EXPLAINING NATIONAL DIFFERENCES IN THE USE OF IMPRISONMENT

Tapio Lappi-Seppälä

This essay explores explanations for differences in penal severity in industrialized countries. The focus is not restricted to the Anglophonic world, but encompasses also the Scandinavian countries, western and eastern continental Europe, and the Baltic countries. The analyses include cross-sectional and trend analyses taking account of a large number of factors related to crime: social, economic, and political factors and survey data on sentiments, fears, and public beliefs. Differences in imprisonment rates cannot be explained by differences in crime. Penal severity instead is closely associated with public sentiments (fears, levels of trust, and punitivity), the extent of welfare provision, differences in income equality, and political culture.

Keywords: the criminal policy, share of prisoners in structure of the population, welfare state, trust, legitimacy, political culture, political economy

Демократия и политическая экономия*

Имеет ли значение демократия?

Социально-экономические факторы, настроения общественности или чувство доверия, определяющие практики наказания, не развиваются сами по себе. В конечном счете численность заключенных (и социальная политика) является результатом политического выбора и политических действий, предпринимаемых в рамках определенной политической культуры. Данные сравнительных исторических исследований ясно указывают на то, что доля заключенных в составе населения ниже в демократических странах по сравнению с другими политическими системами [Greenberg, 2002. P. 246; Sung, 2006. P. 312]. Синхронический анализ также подтверждает тот факт, что между уровнем демократии и числом заключенных существует обратная корреляция: чем выше уровень демократии, тем меньше заключенных. Однако есть и очевидные обособленные случаи (например, США). Кроме того, наблюдаются различия в использовании тюремного заключения между странами, находящимися на верхнем уровне общепринятых классификаций демократии.

Между стандартными индикаторами демократии, используемыми в рамках проектов Polity IV и Freedom House [см.: Inglehart, Welzel, 2005. P. 173], и долей заключенных в составе населения наблюдается обратная, хотя и довольно слабая, корреляция (гражданские и политические права $r = -0.14$ ($n = 98$, Freedom House) и $r = -0.16$ ($n = 85$, Polity IV); и $r = -0.20^*$ и -0.23^* соответственно, если исключить США). Однако результаты вновь оказались чувствительными к составу включенных в исследование стран (например, Хун-Ен Сун [Sung, 2006] обнаруживает более сильную корреляцию -0.37 между индексами демократии, используемыми Freedom House, и долей заключенных в составе населения в 77 странах). Кроме того, данная связь следует криволинейной модели, выявленной ранее в отношении экономических ресурсов и доли заключенных в составе населения. В странах, находящихся у нижнего края шкалы демократии, между уровнем демократии и долей заключенных в составе населения либо не было связи, либо эта связь была положительной (чем выше уровень демократии, тем больше заключенных). В более развитых странах связь была отрицательной (чем выше уровень демократии, тем меньше заключенных, при США в качестве исключения). Это возвращает нас к уже обсуждавшейся ранее гипотезе. В менее развитых странах рост уровня демократии может совпадать с одновременным

¹ Продолжение. Начало статьи см. в Журнале исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 4. Lappi-Seppälä T. Explaining National Differences in the Use of Imprisonment // Resisting Punitiveness in Europe? Welfare, Human Rights and Democracy. London / ed. by S. Snacken, E. Dumortier. Routledge, 2011. Перевод и публикация с разрешения автора и издателя в рамках проекта «Исследование финского опыта сокращения числа заключенных» (грант Фонда Конне, Финляндия 18-3382-33).

выстраиванием инфраструктуры, необходимой для рутинного использования тюремного заключения. Это может означать, что доля заключенных в составе населения в странах, расположенных на нижнем краю шкалы демократии, является «искусственно» низкой или, по крайней мере, ограничивается факторами, менее значимыми в случае с другими странами [Johnson, 2008. P. 51]. Верность такой интерпретации подтверждается данными о том, что между использованием смертной казни и общими демократическими индикаторами существует систематическая обратная корреляция (корреляция от $-0,40^{**}$ до $-0,59^{**}$), независимо от того, классифицируются страны как свободные или несвободные с точки зрения их уровня демократии.

Итак, уровень демократии имеет значение, но многое зависит также от того, каким образом демократия определяется и измеряется. Уровень политических и гражданских прав и измерения конституционной и либеральной демократии важны, но не меньшее внимание следует уделять реальному осуществлению этих прав («эффективная» или «действительная» демократия [см.: Welzel, Klingemann, 2008]). Существенными могут быть также качественные аспекты, легко упускаемые из вида при использовании формальных индикаторов. Например, некоторые авторы при объяснении изменений в системе уголовного правосудия в США обращают внимание на биполярную структуру политической системы в этой стране и борьбу за колеблющихся избирателей [Caplow, Simon, 1999; Tonry, 2004. P. 38]. Скандинавская мягкость, в свою очередь, объяснялась со ссылками на корпоративистскую и консенсусную модель принятия политических решений [см., например: Kyvsgaard, 2004; Bondeson, 2005; Cavadino, Dignan, 2006. P. 149; Green, 2007; Green, 2008; Lacey, 2008]. Далее будут представлены некоторые комментарии и эмпирические данные в дополнение к этой дискуссии.

Типологии политической экономии

Консенсусная и мажоритарная демократии. В политической теории различия между демократическими политическими системами проводятся с помощью деления на «консенсусные и мажоритарные демократии» [Lijphart, 1999]. Сами термины выражают сущность этих различий. Если говорить об «основных демократических принципах», то в мажоритарной демократии подчеркивается принцип большинства: именно воля большинства определяет выбор между альтернативами. Консенсусная демократия идет дальше и придает большее значение политическому участию, нежели простому большинству. Принцип большинства означает, что победитель забирает все, принцип консенсуса – что следует принимать во внимание как можно большее число взглядов. Политика, определяемая принципом большинства, обычно основывается на двухпартийной конкуренции и конфронтации, тогда как политика по принципу консенсуса стремится к компромиссам. Вместо концентрации власти в руках большинства консенсусная модель

предполагает разделение, рассредоточение и ограничение власти различными способами, позволяя всем или большинству заинтересованных сторон участвовать в осуществлении власти в форме широких коалиций и обеспечивая широкое участие заинтересованных групп [Lijphart, 1999. P. 34].

Эти системы отличаются рядом институциональных устройств. В консенсусных демократиях обычно существует большее число политических партий, пропорциональная избирательная система и либо правительство меньшинства, либо коалиционное правительство с широкой поддержкой. Характерной чертой процесса принятия политических решений являются переговоры, нацеленные на достижение консенсуса, при активном сотрудничестве с хорошо координируемыми и централизованными заинтересованными группами.

Корпоратизм и неокорпоратизм. Рассмотрение участия заинтересованных групп способствует включению в рамки анализа более широких политических процессов и отношений между государством, корпорациями, рабочими, работодателями и профсоюзами. Понятие (нео)корпоратизма было разработано для того, чтобы охватить наиболее важные черты этих процессов. Данный термин обозначает трехсторонние процессы переговоров между профсоюзами, частным сектором и правительством, имеющие место обычно в небольших и открытых экономиках. Такие переговоры ориентированы на обеспечение справедливого разделения создаваемой в экономике прибыли между социальными партнерами и замораживания заработной платы в периоды экономического спада или инфляции. Для неокорпоратистского устройства обычно необходимы высокоорганизованные и централизованные профсоюзы, ведущие переговоры от имени всех рабочих. Примеры современного неокорпоратизма включают в себя коллективные соглашения в скандинавских странах, голландскую систему консенсуса «Польдермодель» и систему «Социальное партнерство» в Ирландии.

Между этими аспектами наблюдается очевидная связь: консенсусные демократии и корпоратизм обычно сосуществуют друг с другом. Скандинавские страны представляют собой типичный пример консенсусных, или корпоратистских, (социал-)демократий. К этой группе относятся также Австрия, Бельгия, Германия, Италия, Нидерланды и Франция. Мажоритарные (и обычно менее корпоратистские) демократии включают в себя Австралию, Великобританию, Ирландию, Канаду, Новую Зеландию и США¹.

¹ Роль политической культуры и политической экономии в формировании уголовной политики рассматривается рядом авторов на страницах 36-го тома издания «Преступность и правосудие». См. введение Майкла Тонри [Tonry, 2007; см. также: Green, 2008]. Никола Лэйси, в свою очередь, использует различие между кооперативными (социал-демократическими) рыночными экономиками и (индивидуалистическими, некоординируемыми) либеральными рыночными экономиками [см.: Lacey, 2008].

**Значение политической экономии:
первоначальные замечания**

Согласно выводам Аренда Лейпхарта, консенсусные системы превосходят мажоритарные по качеству демократии и демократического участия, а также «доброжелательности и мягкости их публичной политики» [Lijphart, 1999. Р. 301]. Консенсусные демократии отличаются также большим политическим и экономическим равенством и более высоким электоральным участием. Кроме того, Лейпхарт обнаружил, что в странах консенсусной демократии (в 1992 и 1995 годах) в тюрьмы помещалось меньше людей и были распространены гораздо более критические взгляды в отношении использования смертной казни [Lijphart, 1999. Р. 286, 297–298].

В табл. 1 сравниваются тенденции изменения доли заключенных в составе населения в странах консенсусной и мажоритарной демократии с 1980 по 2007 год.

Таблица 1

**Число заключенных (на 100 тысяч жителей)
в странах консенсусной и мажоритарной демократии с 1980 по 2007 год**

Режим	Год				Рост числа заключенных (1980–2004)
	1980	1990	2000	2007	
Консенсусные демократии (11)	66	67	76	83	26%
Мажоритарные демократии (4)	83	100	123	146	76%
США	221	461	684	756	242%

Примечание. Страны консенсусной демократии (11): Австрия, Бельгия, Германия, Дания, Италия, Нидерланды, Норвегия, Финляндия, Франция, Швейцария, Швеция. Страны мажоритарной демократии (4): Австралия, Англия и Уэльс, Канада, Новая Зеландия.

Консенсусная демократия связана с более мягкой уголовной политикой. Однако в 1980 году доли заключенных в составе населения в одиннадцати странах консенсусной демократии и четырех странах мажоритарной демократии были сопоставимы. В течение следующих 25 лет число заключенных на 100 тысяч жителей возросло в мажоритарных демократиях на 76%, а в консенсусных – на 26%. Если включить в последнюю группу США (как это и должно быть), то различия будут еще более значительными.

Измеряя политическую экономию

Если перейти к операционализации, необходимой в более детальных эмпирических исследованиях, то следует указать, что Лейпхарт измеряет

такое качество демократий, как «консенсусность – мажоритарность», с помощью набора показателей, касающихся степени участия и централизации заинтересованных групп, числа политических партий, баланса власти между правительством и парламентом, типа избирательной системы и так далее. Суммарный показатель Лейпхарта «исполнительная власть – партии» (или индекс «совместной власти») дает возможность количественного измерения связи между долей заключенных в составе населения и типом демократии, а также степенью корпоратизма. Другой доступный индикатор был разработан в ходе Люксембургского исследования доходов. Этот одиннадцатикомпонентный индекс неокорпоратизма измеряет процессы переговоров по поводу заработной платы, роль профсоюзов и степень централизации в участии заинтересованных групп [Huber, Ragin, Stephens, Brady, Beckfield, 2004]. Рисунок 1 иллюстрирует связь между общим индексом Лейпхарта (измеряющим прежде всего степень совместного осуществления власти, участия заинтересованных групп и корпоратизма), а также индексом неокорпоратизма по данным Люксембургского исследования доходов, с одной стороны, и долей заключенных в составе населения, с другой.

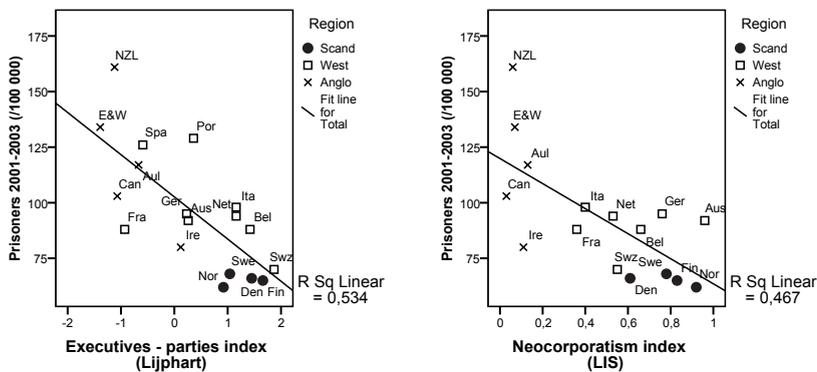

Рис. 1. Политическая культура (индекс Лейпхарта), неокорпоратизм (Люксембургское исследование доходов) и доля заключенных в составе населения

Итак, консенсусная демократия и неокорпоратизм связаны с более мягкой уголовной политикой. Значения коэффициента R^2 указывают, что в западноевропейских странах около 50% вариаций доли заключенных в составе населения могут объясняться типом демократии и степенью корпоратизма.

Объясняя значение политической экономики

Почему же консенсусная демократия и корпоратизм сопряжены с мягкой уголовной политикой, а конфликтная демократия – с суровой?

В криминологической теории этому вопросу уделялось гораздо меньше внимания [см., однако: Green, 2007; Green, 2008].

Представляется, что между типом демократии и уровнем репрессивности существуют как *непрямые, так и прямые связи*. Во-первых, похоже, что государства всеобщего благосостояния легче выживают в консенсусной и корпоративистской среде. Консенсусные демократии являются более «дружественными по отношению к всеобщему благосостоянию» ("welfare friendly"). В какой-то степени это может быть следствием более гибких переговорных процедур, делающих возможными различного рода «компромиссы». В противоположность системам, действующим по принципу «победитель забирает все», консенсусные структуры, в которые «вовлечены все», обеспечивают более высокие шансы на то, что каждый (или, по крайней мере, большинство) что-то получит. Таким образом, консенсусные демократии в большей степени способствуют всеобщему благосостоянию и отличаются меньшим социальным и экономическим неравенством.

Существуют также прямые связи между уголовной политикой и укоренившимися политическими традициями и структурами. Они вытекают из основных черт политического дискурса. Если консенсусная модель основывается на переговорах и компромиссах, то мажоритарные демократии – на конкуренции и конфронтации. Последнее обостряет различия, усиливает противоречия и поддерживает конфликты. Все это сказывается на стабильности и содержании политики и на легитимности системы.

В консенсусных демократиях всегда остается необходимость поддерживать хорошие отношения с вашим оппонентом. Они, вероятно, понадобятся вам и после выборов. Как говорят о скандинавской политике, «в ней нет побед нокаутом, есть только победы по очкам». В консенсусных демократиях вы меньше выиграете и больше проиграете, критикуя достижения предыдущего правительства. В них меньше критики и меньше недовольства благодаря тому факту, что политика и реформы разрабатываются вместе и в этот процесс включается настолько большое число участников, насколько это возможно.

В консенсусных демократиях также меньше «разговоров о кризисе». Между тем в мажоритарных демократиях и в рамках конкурентной партийной системы основным проектом для оппозиции является представление существующего положения дел в качестве общественного или политического кризиса и убеждение общественности в том, что крайне необходимо сменить правящую партию. Если политическая работа основывается большей частью на нападках на политику правительства и ее подрыве, то не следует удивляться, что это оказывает влияние на представления людей о содержании такого рода политики, а также о политических институтах в целом.

Таким образом, низкий уровень доверия отчасти может объясняться тем, что конфликтная модель способствует большей критике. Кроме того, представляется, что конфликтные демократии часто отягощены более

агрессивными медиа. Этому есть одно правдоподобное объяснение: конфликты порождают более интересные новости. Очень немногим читателям будет интересно узнать о согласии во мнениях. Но это помогает объяснить также, почему мажоритарные демократии более чувствительны к эпизодам карательного популизма и почему консенсусные демократии обычно отличаются меньшей долей заключенных в составе населения.

Очевидно, что консенсус несет с собой как *стабильность*, так и *осмотрительность*. Социал-демократы находились у власти в Дании, Швеции и Норвегии с небольшими перерывами с 1930-х до конца 1990-х годов. Эта гегемония, соединенная с консенсуальной политической культурой при правительстве меньшинства (когда вам необходимо договариваться с оппозицией) или коалиционном правительстве (когда необходимо договариваться с вашими партнерами по кабинету), обеспечивала беспрецедентную стабильность. Новые правительства редко нуждались в том, чтобы заявлять о себе посредством эффектных реорганизаций.

Один из аспектов этой стабильности состоит в том, что изменения не происходят каждый день. А когда они происходят, то обычно не являются разворотом в противоположную сторону. Консенсуальная уголовная политика придает очень большое значение последовательности в долгосрочной перспективе и постепенному изменению, нежели внезапным переворотам. В Финляндии законотворческая деятельность старается заручиться настолько широкой поддержкой среди различных заинтересованных групп, насколько это возможно. Такие группы могут участвовать в разработке законов уже на подготовительной стадии в качестве членов редакционных комитетов. После стадии выдвижения первоначального законопроекта следует «стадия ремиссии», в течение которой заинтересованные группы могут готовить свои официальные заявления. Такого рода обратная связь учитывается при формировании окончательного проекта. Итоговое рассмотрение происходит на парламентских слушаниях, в ходе которых группы, затрагиваемые этим законом или заинтересованные в реформе, еще раз получают возможность выразить свое мнение. Таким образом, реформаторская работа требует времени. Любые значительные изменения в системе санкций обычно происходят только после нескольких лет экспериментальных стадий. В ходе такой подготовительной работы различным группам периодически предоставляется возможность предлагать свои взгляды, что очевидно повышает степень их участия в выработке окончательного варианта законодательства.

Представленное выше описание процесса законотворчества в Финляндии применимо в большей или меньшей степени и к другим скандинавским странам. Конечно, существуют некоторые различия. С финской точки зрения, шведские законодатели более склонны к быстрым действиям и принятию решений по поводу «одной проблемы» ("single problem solutions"). Между скандинавскими странами имеются и другие различия. Чем пристальнее

вы рассматриваете ситуацию, тем больше различий вы обнаруживаете¹. Но если расширить рамки картины и включить в нее Великобританию, то эти различия покажутся незначительными. А если в ту же картину добавить США, то скандинавские страны будут выглядеть, в сущности, одинаково.

Однако здесь необходимо сделать некоторые оговорки, особенно в отношении законотворческой работы в настоящее время. Многие практики оказались перевернутыми с ног на голову Европейским союзом. Осуществление рамочных решений и гармонизация национальных законодательств в соответствии с требованиями различных институтов ЕС оставляет очень небольшое пространство для взвешенной осмотрительности или свободы действий в этом отношении. Продолжительная работа в комитетах и тщательная подготовка уступили место двухдневным поездкам в Брюссель. Аргументы, исходящие из принципов, и оценки, основанные на эмпирических данных, сменились политической аргументацией и символическими посланиями. Все это сопряжено с очевидным риском политизации уголовной политики в ряде европейских стран, включая скандинавские.

Детерминанты уголовной политики – предварительный обзор

Сравнительный анализ показывает, что различия в доле заключенных в составе населения не могут объясняться различиями в уровне преступности. Суровость наказаний, как представляется, тесно связана с другим, а именно: со степенью обеспечения всеобщего благосостояния, различиями в распределении доходов, доверии и политической и правовой культурах. Такой анализ подтверждает точку зрения, согласно которой скандинавская уголовная модель уходит своими корнями в консенсуальную и корпоративскую культуру, высокие уровни социального доверия и политической легитимности, а также в сильное государство всеобщего благосостояния. Эти различные факторы оказывают как косвенное, так и прямое влияние на содержание уголовной политики.

Связь между мягкостью наказаний и государством всеобщего благосостояния имеет почти концептуальный характер. Государство всеобщего благосостояния – это государство солидарности и социального равенства. Общество равных, проявляющих заботу о благополучии других, менее готово использовать суровые наказания в отношении своих членов по сравнению с обществом со значительной социальной дистанцией между людьми, в котором наказания применяются только по отношению к «другим» и к андерклассу. Увеличение социальных дистанций повышает готовность

¹ Тенденции и различия между скандинавскими странами более подробно рассматриваются в работах [Lappi-Seppälä, 2007; Pratt, 2008]. Исчерпывающий анализ и сравнения между Норвегией и Англией и Уэльсом представлены в [Green, 2008].

к более жестким действиям, тогда как равенство имеет противоположный эффект. Если говорить о более конкретных формах, то государства всеобщего благосостояния поддерживают менее репрессивную политику, обеспечивая реальные альтернативы лишению свободы. Широкие, хорошо обеспеченные ресурсами сети социальных служб часто функционируют в качестве, по существу, эффективных мер предупреждения преступности, даже если это не входит в мотивацию (или входит частично) таких практик, как социальное обслуживание и медицинская помощь в дневное время (для престарелых и инвалидов), обучение родителей, общественная система средних школ, основанная на равных возможностях для всех.

Косвенное влияние осуществляется посредством более высокой социальной и экономической безопасности, более низкого уровня страха, менее карательных установок и особенно более высокого социального доверия и политической легитимности, поддерживаемых государством всеобщего благосостояния. Тип режима всеобщего благосостояния также может иметь значение. Избирательная социальная политика, основанная на потребностях, ориентирована на «других людей», маргинализованных и виновных в своем положении. Это питательная среда для подозрения и недоверия. Универсалистская социальная политика, оказывающая поддержку всем, обеспечивающая социальное равенство и не проводящая различий между людьми, следует иной моральной логике [Kuhnle, 2011]. Таким образом, социальная политика касается всех нас. Дебаты о социальной политике – это попытки решить наши общие проблемы. Все это в значительной степени поддерживает социальное доверие. Кроме того, социальная и экономическая безопасность, обеспечиваемая государством всеобщего благосостояния, а также чувство социального доверия, которому оно способствует, поддерживают толерантность, низкий уровень страхов и менее карательные установки.

Либеральная уголовная политика и небольшое число заключенных также являются побочными продуктами консенсуальных, корпоративских политических культур, в которых важное место занимают практики переговоров. В мажоритарных демократиях больше «разговоров о кризисе», больше критики, больше краткосрочных решений и больше прямого апеллирования к требованиям общественности. Консенсусные демократии, напротив, смягчают противоречия, порождают меньше «разговоров о кризисе», препятствуют драматическим переворотам и способствуют долговременной последовательной политике. Другими словами, консенсусные демократии менее восприимчивы к политическому популизму.

Взаимодействие между различными факторами, влияющими на содержание уголовной политики, иллюстрируется рис. 2.

Кроме трех основных факторов – всеобщего благосостояния, доверия и политической экономии – существует несколько других элементов, требующих нашего внимания. Одним из них являются *демографические характеристики*. Однородность населения может облегчить осуществление

либеральной уголовной политики, но не является гарантией успеха (нельзя утверждать, что мультикультурализм ведет к более суровым режимам). Значение могут иметь также географические факторы, как в случае с Финляндией, мотивированной к политике по сокращению численности заключенных сотрудничеством со скандинавскими странами [см.: Lappi-Seppälä, 2007. P. 241–244; Christie, 2000].

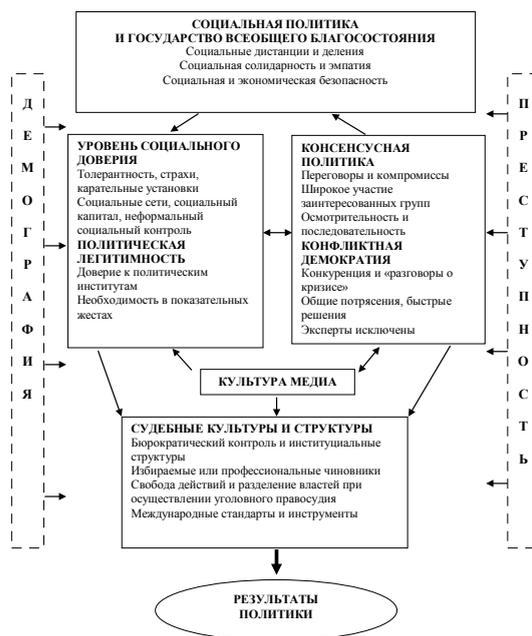

Рис. 2. Уголовная политика и ее социальный, политический, экономический и культурный контексты

Еще одним фактором, безусловно заслуживающим большего внимания, является *роль медиа и медиакультуры*. Медиа, отдающие приоритет сенсациям, способствуют общественным страхам и недоверию. Они усиливают давление со стороны репрессивно настроенной общественности. Существуют также различия в том, каким образом лица, формирующие политику, учитывают требования общественности, а также в том, каким образом им передаются общественные настроения. Если политическая система предпочитает роль легко реагирующей и приспособливающейся системы, то медиа начинают оказывать на результаты политики как прямое, так и косвенное влияние (в последнем случае посредством влияния на требования общественности). Еще раз следует подчеркнуть, что консенсусные демократии менее восприимчивы к политическому популизму и новостям медиа [Roberts, Stalans, Indermaur, Hough, 2003].

Важную роль играют также *судебная структура и правовая культура*, особенно при объяснении различий между странами с континентальной правовой системой и странами, в которых действует система общего права. Наследие Просвещения и разделение государственной власти защищают суды от политического вмешательства в странах с континентальной системой и в Скандинавии. Правовая система США, представляющая собой противоположный пример, с политически избираемыми должностными лицами органов уголовной юстиции (прокурорами, судьями, шерифами и губернаторами) является гораздо менее защищенной перед кратковременными популистскими влияниями на повседневные практики определения наказаний и выбор местной политики [см.: Zimring, Hawkins, Kamin, 2001; Tonry, 2007]. Необходимость учитывать свою популярность среди людей обеспечивает гораздо более точную «настройку» судейского корпуса на волну общественного мнения и организованных заинтересованных групп. Эти отличия усиливаются различными техниками структурирования свободы действий при определении наказаний. Структуры определения наказаний в скандинавской и континентальной правовых системах, в которых законодатель устанавливает пределы наказания в широком смысле, а все остальное остается на усмотрение конкретных судей, как представляется, менее уязвимы перед недальновидными и необоснованными политическими вмешательствами по сравнению с политически избираемыми органами, наделенными полномочиями давать детальные указания по поводу определения наказаний [Lappi-Seppälä, 2001].

Кроме того, на политику в области определения наказаний могут оказывать влияние многочисленные тонкости уголовного судопроизводства. Одной из них может быть широко распространенная практика заявлений жертв о последствиях преступления, не встречающаяся в большинстве правовых систем континентального типа. В скандинавском уголовном процессе права жертвы связаны не с правом осуществлять в суде персональную вендетту, а с возможностью получить возмещение ущерба и потерь¹. Требования возмещения со стороны жертвы всегда рассматриваются в рамках того же самого процесса по случаю преступления. Эти требования выдвигаются прокурором от имени жертвы. Надлежащее рассмотрение требований возмещения вполне может иметь смягчающее воздействие на требования, связанные с наказанием [см.: Languin, Robert, 2011; Aertsen, 2011].

Правовое обучение, компетентность судейского корпуса, профессиональные навыки также имеют значение. Судьи (и прокуроры) могут иметь различный уровень криминологических знаний – при сравнении как индивидов, так и различных правовых систем. В странах, где должности судей

¹ Если не со стороны правонарушителя, то из государственных фондов. Несомненно, тот факт, что возмещение вреда всегда предписывается одновременно с наказанием, дает обществу более реалистичное представление об общих последствиях преступности (в противоположность системам, выделяющим возмещение в отдельный процесс, инициировать который жертвы иногда могут быть не в состоянии)

занимаются обученными профессионалами, а криминология включена в учебные программы факультетов права, от судей и прокуроров можно ожидать более широкого и глубокого понимания таких вопросов, как преступность и уголовная политика. Такого рода компетентность может усиливаться профессиональными обучающими программами, семинарами и встречами для судей. Очевидно, что восприимчивость судейского корпуса к активности такого рода и степень обмена информацией различны в разных правовых системах. Влияние криминологического знания на практики определения и исполнения наказаний может быть увеличено благодаря налаживанию связей между исследовательским сообществом и судейским корпусом [см.: Snacken, 2007; Downes, Swaaningen, 2007].

Наконец, следует оставить место и для «исключительности, связанной со спецификой страны». Хотя значительная часть практик наказания может объясняться очерченными общими социальными, политическими, экономическими и культурными факторами, их влияние трудно свести воедино с точки зрения простой статистической модели. Эти факторы образуют различные комбинации в разных местах и в разные периоды. Установленные связи не являются ни атомистическими, ни механическими. Воздействие этих факторов обусловлено контекстом, при этом в странах могут происходить уникальные изменения. Значение имеют также индивиды и элиты. Сильное воздействие на практики наказаний время от времени оказывают отдельные эксперты, лидеры мнений или политики [Verfaillie, 2011]. Такое личное или профессиональное влияние со стороны индивидов легче достигается в небольших странах, подобных Финляндии.

Заключительные замечания

Скандинавская уголовная политика является примером прагматичного и неморалистического подхода с ярко выраженной ориентацией на социальную политику. В уголовной политике отражаются ценности скандинавского идеала государства всеобщего благосостояния; подчеркивается, что меры против социальной маргинализации и неравенства являются также мерами против преступности. В ее рамках особое значение придается взгляду, согласно которому контроль над преступностью и уголовная политика – это по-прежнему вопросы социальной справедливости, а не только контроля над опасными индивидами. Такая либеральная уголовная политика в значительной степени является также побочным продуктом богатого государства всеобщего благосостояния, а также консенсуальной и корпоративской политической культуры. Данные структурные условия сделали возможной и поддерживают толерантную политику, позволили разработать эффективные альтернативы тюремному заключению и способствуют доверию и легитимности. Все это уменьшает для политической системы необходимость в символических действиях и делает возможным

соблюдение норм, основанное на легитимности и одобрении, а не на страхе. К числу факторов, объясняющих скандинавскую мягкость, относятся также сильное влияние экспертов, (довольно) благоразумные медиа и демографическая однородность.

Вопрос о том, будет ли такое положение дел существовать и в будущем, выходит за рамки этой статьи. Уже в 1990-е годы скандинавскими авторами выдвигались критические замечания по этому поводу [Victor, 1995. P. 71–72; Jareborg, 1995; Tham, 2002; Balwig, 2004; см. также: Lappi-Seppälä, 2007]. Однако рассмотрение ситуации в скандинавских странах в сравнении с другими странами все еще оставляет место для некоторого оптимизма. В целом доля заключенных в составе населения Скандинавии по-прежнему низка. Путь, пройденный многими другими системами наказаний, также не является неизбежным. Очень немногие из тех социальных, политических, экономических и культурных условий, объясняющих все более массовое лишение свободы в США и Великобритании, применимы к какой-либо из скандинавских стран. Социальная и экономическая безопасность, обеспечиваемая скандинавским государством всеобщего благосостояния, все еще может функционировать в качестве системы, гарантирующей толерантную уголовную политику. Судьи и прокуроры по-прежнему являются и будут оставаться профессиональными должностными лицами с компетентным отношением к этим вопросам. Политическая культура все так же способствует переговорам и высоко оценивает экспертные мнения. На все это, по крайней мере, можно надеяться.

К счастью, это не только вопрос надежды. В политической культуре, в которой в целом высоко оценивается рациональная, прагматичная и ответственная аргументация, многое может быть сделано [см. об этом: Roberts, Stalans, Indermaur, Hough, 2003]. Мы должны улучшить условия для рационального формирования политики, преобладающего над популистским позерством, посредством предоставления политикам, практическим работникам и общественности больше точной информации. Нам следует применять обычные правила политической ответственности и в случае с дискурсом наказаний. Ни в каких сферах политической жизни планы и предложения не могут быть представлены без оценки затрат, получаемых преимуществ и возможных альтернатив. Почему это следует допускать в уголовной политике, где принимаемые решения посягают на защищаемые законом основные права и являются крайне дорогостоящими? Нам следует воспользоваться преимуществами, связанными с тем фактом, что в скандинавской политике в целом преобладает отвращение к популизму и циничному набиранию очков, если это становится очевидным. Выявление чрезмерно упрощенных установок, ложных предпосылок и сомнительной ценности популистских предложений является важным интеллектуальным оружием в руках политических противников любого карательного популизма.

Список источников (References)

- Aertsen I.* Punitivity from a Victim's Perspective // Resisting Punitiveness in Europe? Welfare, Human Rights and Democracy / ed. by S. Snacken, E. Dumortier. London: Routledge, 2011.
- Balwig F.* When Law and Order Came to Denmark // Journal of Scandinavian Studies in Criminology and Crime Prevention. 2004. Vol. 5. P. 167–187.
- Bondeson U.* Levels of Punitiveness in Scandinavia: Description and Explanations // The New Punitiveness: Trends, Theories, Perspectives / ed. by J. Pratt, M. Brown, S. Hallsworth, W. Morrison. Cullompton: Willan, 2005. P. 189–200.
- Caplow T., Simon J.* Understanding Prison Policy and Population Trends // Crime and Justice: A Review of Research / ed. by Michael Tonry. Chicago: The University of Chicago Press, 1999. Vol. 26. P. 63–120.
- Cavadino M., Dignan J.* Penal Systems. A Comparative Approach. London / Thousand Oaks / New Delhi: Sage Publications, 2006.
- Christie N.* Crime Control as Industry: Towards Gulags Western Style. London: Routledge, 2000.
- Downes D., Swaaningen R.* The Road to Dystopia? Changes in the Penal Climate of the Netherlands // Crime and Justice: A Review of Research / ed. by Michael Tonry. Chicago: The University of Chicago Press, 2007. Vol. 35. P. 31–72.
- Green D.* Comparing Penal Cultures: Child-on-Child Homicide in England and Norway // Crime and Justice: A Review of Research / ed. by Michael Tonry. Chicago: The University of Chicago Press, 2007. Vol. 36. P. 591–636.
- Green D.* When Children Kill Children. Penal Populism and Political Culture. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Greenberg D.F.* Striking Out in Democracy // Punishment and Society. 2002. Vol. 4 (2). P. 237–252.
- Huber E., Ragin C., Stephens J., Brady D., Beckfield J.* Comparative Welfare States Data Set. Northwestern University, University of North Carolina, Duke University, Indiana University, 2004.
- Inglehart R., Welzel C.* Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence. New York: Cambridge University Press, 2005.
- Jareborg N.* What Kind of Criminal Law do We Want? // Beware of Punishment. On the Utility and Futility of Criminal Law. Scandinavian Studies in Criminology / ed. by A. Snare. Oslo: Pax Forlag, 1995. Vol. 14. P. 17–26.
- Johnson D.* Japanese Punishment in Comparative Perspective // Japanese Journal of Sociological Criminology. 2008. № 33. P. 46–66.
- Kuhle S.* The Scandinavian Path to Welfare // Resisting Punitiveness in Europe? Welfare, Human Rights and Democracy / ed. by S. Snacken, E. Dumortier. London: Routledge, 2011.
- Kyvsgaard B.* Youth Justice in Denmark // Crime and Justice: A Review of Research / ed. by Michael Tonry. Chicago: The University of Chicago Press, 2004. Vol. 31. P. 349–390.
- Lacey N.* The Prisoners' Dilemma. Political Economy and Punishment in Contemporary Democracies. The Hamlyn Lectures 2007. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Languin N., Robert Ch.-N.* Victims and the Penal Process: Roles, Expectations and Disappointments // Resisting Punitiveness in Europe? Welfare, Human Rights and Democracy / ed. by S. Snacken, E. Dumortier. London: Routledge, 2011.

- Lappi-Seppälä T.* Penal Policy in Scandinavia // *Crime and Justice: A Review of Research* / ed. by Michael Tonry. Chicago: The University of Chicago Press, 2007. Vol. 36. P. 217–295.
- Lappi-Seppälä T.* Sentencing and Punishment in Finland: the Decline of the Repressive Ideal // *Punishment and Penal Systems in Western Countries* / ed. by M. Tonry, R. Frase. New York: Oxford University Press, 2001. P. 92–150.
- Lijphart A.* Patterns of Democracy. Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries. New Haven: Yale University Press, 1999.
- Pratt J.* Scandinavian Exceptionalism in an Era of Penal Excess: Part I: The Nature and Roots of Scandinavian Exceptionalism // *The British Journal of Criminology*. 2008. Vol. 48. P. 119–137.
- Roberts J., Stalans L., Indermaur D., Hough M.* Penal Populism and Public Opinion. Lessons from Five Countries. Oxford: Oxford University Press, 2003.
- Snacken S.* Penal Policy and Practice in Belgium // *Crime and Justice: A Review of Research* / ed. by Michael Tonry. Chicago: The University of Chicago Press, 2007. Vol. 36. P. 127–216.
- Sung H.-E.* Democracy, and Criminal Justice in Cross-National Perspective: From Crime Control to Due Process // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. May 2006. Vol. 6005. P. 311–337.
- Tham H.* Law and Order as a Leftist Project? The Case of Sweden // *Punishment and Society*. *The International Journal of Penology*. 2002. Vol. 3. № 3. P. 409–426.
- Tonry M.* Determinants of penal policies // *Crime and Justice: A Review of Research* / ed. by Michael Tonry. Chicago: The University of Chicago Press, 2007. Vol. 36. P. 1–48.
- Tonry M.* Thinking about Crime. Sense and Sensibilities in American Penal Culture. New York: Oxford University Press, 2004.
- Verfaillie K.* Punitive Needs, Society and Public Opinion: an Explorative Study of Ambivalent Attitudes to Punishment and Criminal Justice // *Resisting Punitiveness in Europe? Welfare, Human Rights and Democracy* / ed. by S. Snacken, E. Dumortier. London: Routledge, 2011.
- Victor D.* Politics and the Penal System – a Drama in Progress // *Beware of Punishment. On the Utility and Futility of Criminal Law*. *Scandinavian Studies in Criminology* / ed. by A. Snare. Oslo: Pax Forlag, 1995. Vol. 14. P. 68–88.
- Welzel C., Klingemann H.-D.* Democratic Congruence Rediscovered: A Focus on "Substantive" Democracy // *World Values Research Papers*. 2008. Vol. 1. № 3. P. 55–84.
- Zimring F., Hawkins G., Kamin S.* Punishment and Democracy. Three Strikes and You're Out in California. Oxford: Oxford University Press, 2001.

Тапио Лаппи-Сеппала – PhD, директор Национального исследовательского института правовой политики, Финляндия,
электронная почта: tapio.lappi-seppala@om.fi

Tapio Lappi-Seppälä – PhD, Doctor of Laws, Director-General of the National Institute of Legal Policy, Finland,
e-mail: tapio.lappi-seppala@om.fi

Перевод с англ. И. Г. Ясавеева